

ДЕНИС ПЫЛЕВ
ДНЕВНИКИ.ОНЛАЙН

ХРОНИКИ ДРАКОНА В НИЖНИХ ПОДСОЛНУХАХ

Денис Анатольевич Пылев
Хроники Дракона в
Нижних Подсолнухах
Серия «Одобрено Рунетом»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=36974099

Хроники Дракона в Нижних Подсолнухах: АСТ; Москва; 2018

ISBN 978-5-17-107224-7

Аннотация

Представляем подробный отчет о социализации среднестатистического дракона в средневековой деревне, за время которой он: 1) наломал немало дров и сжег почти все сено; 2) одолел охотников за головами, злобных гномов, коварную колдунью, несколько рыцарских отрядов и нашел-таки общий язык с хозяйским котом; 3) встретил прекрасную принцессу и истинную любовь. Выбраться из всех злоключений ему помогло не только огненное дыхание, но и настоящая мужская дружба.

Содержание

Принцесса и дракон	5
Дракон и кот	13
Дракон и месть принцессы	20
Как лечить дракона	28
Дракон VS Гензель и Гретель	35
Предсвадебный переполох	42
Свадьба	48
Медовый месяц	59
Конец ознакомительного фрагмента.	61

Денис Пылев

Хроники Дракона в Нижних Подсолнухах

© Денис Пылев, текст, 2017

© Дневники. Онлайн, текст, 2017

© Юлия Межова, иллюстрации, 2018

© ООО «Издательство АСТ», 2018

* * *

Принцесса и дракон

В деревню Нижние Подсолнухи давно не заезжали важные гости. Прямо с того дня, когда из темного Ведьминого Леса вылетел огнедышащий дракон. Жил он там довольно давно, но вблизи своего жилища обычно не хулиганил. Соседи бы сказали: «Эка невидаль – дракон! Мало ли по лесам всякой нечисти бегает!» Но жители деревни имели на это свое просвещенное мнение, ибо с их слов дракон был особенным. А почему, узнал первый же рыцарь, прибывший со всей помпой и целой свитой оруженосцев, пажей и прочей прислуги, решив, видимо, освободить несчастную девицу, которую, словно в сказке, утащил извергающий пламя гад.

Собравшись у дома старосты, жители деревни долго су-

дили, поглядывая на лес, за каким чертом дракону, который иногда подворовывал у селян скот, живая девица?!

«За мертвой доблестный рыцарь (как-там-его-звали) не поскакал бы на породистом жеребце в такую даль, – в конце концов заключили они. – Значит, дело нечисто».

Покумекав еще с полчаса, местные разошлись по домам. Вечер подходил к концу, а утро в селе начиналось рано.

О рыцаре не было известий ни на следующий день, ни на день после него. Спустя какое-то время следом за первым рыцарем прискакали еще несколько столь же крепко законных в железо всадников. И настроены они были куда как решительно. Но ни один из них так и не вернулся. Когда же с ревом и дымом дракон объявился прямо посреди белого дня и опустился в центре деревни у колодца, крестьяне по первости попрятались – поди пойми, чегой-то проклятущей зверюге надобно.

– Выходи, добрый люд! – проревел дракон хорошо поставленным голосом. Как там на самом деле звучит «хорошо поставленный голос» никто не знал, но девки заслушались. – Обещаю никого не жрать! Тьфу ты, не есть.

Здесь дракон кривил душой. Человечинку он отродясь не пробовал. Но и разубеждать население Нижних Подсолнухов в своей кровожадности не спешил. Никогда не угадаешь, как с людьми себя вести. А эта дезинформация при любом раскладе ему будет на руку. Хотя с рыцарями это не срабатывает, зря, что ли, бедолаги столько железа на себя напяли-

вают, что твои раки, взопреешь, пока достанешь.

Потихоньку стал выползать народ из укрытий. Глазели, охали, ахали, тыкали пальцами, но близко не подходили. Придерживали детей, так как маленькие сорванцы, по глупости своей малолетней, страха перед чудищем не имели. А Гульвин первенец, так тот уж примеривался забраться к зверюге на хвост, но был пойман матерью и, получив трепку, с воплем убежал за амбары. Вперед протолкнулся Пантус, деревенский староста. Не слишком молод, не слишком стар, а так, в самый раз:

– Чего тебе надобно? – спросил он, глядя снизу вверх и придерживая шапку. И, пожевав губами, добавил: – Господин.

– Дело у меня к вам, народ сельскохозяйственный. Весьма щекотливое и необычное, – тут дракон задумался и выпустил из ноздрей струйку дыма. – Поселился в вашем лесу я честь по чести. В самой чащобе непролазной, болотами топкими окруженной. Домик у меня там небольшой, огородик, цветничок, все как у лю... Тьфу! Ну, вы меня поняли. Хозяйку привез молодую. Руками делать, правда, ничего не умеет, но учится споро. Ибо страшен я в гнев своем яростном! – Дракон распахнул крылья, закрыл сразу полнеба, и выпустил огненный шар. Селяне начали беспокойно поглядывать на дома, погребя и уж совсем тоскливо – в сторону леса.

– В общем, – дракон цыкнул сквозь клыки, – жрать ее готовить научите. Да по хозяйству там всякое. А я уж в долгу

не останусь, чем могу, помогу. По-соседски.

Народ сначала обалдел, а затем призадумался. Люди обстоятельные, скоропалительных решений отродясь не принимали, им нужен был предмет договора – сейчас и перед глазами. Вести переговоры делегировали все того же старосту Пантуса. Из упрямства старческого, а может, по скудоумию Пантус переговоры вести отказался. За что тут же узнал все выступающие костяшки в кулаке кузнеца своими ребрами.

– Дело это, господине, не быстрое, – слегка заикаясь от пережитого, начал староста, – тут все взвесить требуется...

– Чего взвесить нужно – взвесьте! – рыкнул дракон, чутко уловив своим драконьим чутьем, куда клонят селяне. – Девка вон, в лесу! Стоит у деревьев, ждет. Вы ее, эта, значит, готовить научите и бельишко стирать. Да, вот еще – если кочевряжиться начнет, так вы ее не жалейте, крапивой приложите, ну, или как там у вас заведено. Даю вам на это мое согласие. А через недельку я ее у вас заберу. Или... – дракон пыхнул дымом сразу из двух ноздрей. Непонятливых не нашлось.

Тяжело взмахнув крыльями, дракон взлетел, подняв в воздух тучу песка и кучу народа. Потирая синяки и ушибы, селяне с неизбывной тоской смотрели в сторону леса, откуда через поле репы шла виновница происшествия. Стоило ей приблизиться, как самые внимательные узнали в ней принцессу Эрмелинду, чей портрет показывал рыцарь. Вид у прин-

цессы был помятый и крайне недовольный.

– Ну что уставились, холопы?! – тут же взяла быка за рога принцесса, оглядев притихших крестьян драконьим взором. – Воды мне несите, еды, платья чистого. И побыстрее!

Поначалу не отошедшие от беседы с драконом крестьяне попадали на колени, но затем кузнец, который упал прямо в куст крапивы, вспомнил слова летающего анахронизма:

– Народ, что же это?! Пигалица мелкая, ящерица редкозубая, командовать тут удумала?! А ну, бабоньки, покажем гостье дорогой, где баня-то у нас! – и, схватив принцессу, как мешок картошки, кузнец, широко шагая, направился напрямиком к реке. Принцесса висела вниз головой и не прекращала столь изобретательно ругаться, что компания деревенских сквернословов шла за ней, радостно развесив уши. Раздался громкий всплеск, короткий полузадушенный вскрик и новый поток брани, быстро, правда, сошедшей на нет.

Дальнейшая жизнь деревни вдруг стала подчинена новому ритуалу. Утром – в поле. В обед – скорей обратно – узнать, что натворила непутевая гостья. И до самого вечера – ухохатываться над ее оплошностями.

Но если первые дни было весело, то дальше бабы забибли тревогу – принцесса оказалась на редкость бестолковой. Научить ее готовить оказалось задачей для академии, а не для необразованных крестьян. Со стиркой история была еще грустнее – то белье утопила, то чуть сама не утопла. А третьего дня едва русалки с собой не прихватили, еле отбить

успели. Бабы даже схитрить хотели – дай, думают, яичницу научим готовить, и с Богом. Да не тут-то было. Принцесса вроде и старалась, но, как сама с печью и продуктами наедине осталась, пожар начался – насилу потушили.

– Гонца к дракону слать надобно, – вещал вечером Вилфрид-скорняк. – Не то попомните мое слово, спалит она деревеньку нашу. Пущай забирает непутевую. Толку с нее никакого не будет. А только урон и убытки.

Когда стали решать, кого послать, чуть до драки не дошло. Никто не хотел в болота гиблые лезть и чудищ лесных провоцировать. Вызвался было один – дурачок местный Ховер, но тут, на счастье, дракон явился сам, чем вызвал всеобщий вздох облегчения. Дракон же, видя счастливые лица крестьян, заподозрил неладное:

– Померла?!

– Да тьфу на вас, господин дракон, – даже не пытайтесь скрыть радость, заявил староста. – Жива-живехонька невеста ваша. И ручки на месте, и ножки, и... Все, в общем, на месте.

– Тогда по какому поводу счастье ваше безмерное рты вам распластывает, – нахмурился дракон, на всякий случай продувая ноздри.

– Закончился срок беды нашей, – ляпнул староста и тут же закрыл рот рукой, но было поздно. Суть проклятый ящер схватывал на лету.

– Та-а-ак, – растягивая слова, прошипел он. – Ведите ее

сюда!

Почти вся деревня сорвалась с места в едином порыве, и вскоре принцесса оказалась перед драконом.

– Эрмелинда, любовь моя, – томно начал дракон, – эти люди говорят про тебя всякое. Пролей свет своей искренности на темноту слов непотребную.

Но принцесса так же, как и крестьяне, доведенная до точки кипения, набрала в легкие побольше воздуха и пошла в атаку:

– Ах ты, бесстыжий хвостатый обманщик! Чемодан летающий! Обжора чешуйчатый! Ты думаешь, что я, наследная принцесса Скорбург-Пассуанского королевства, буду стоять для тебя у печи, пока ты шляешься по вонючим болотам, мерзкий пожиратель лягушек?! Не бывать этому!!!

На этом месте принцесса топнула ножкой и, отвернувшись от всей компании, зарыдала. В голос. Ошалевший от такого дракон переводил взгляд с принцессы на крестьян, почтительно молчавших во время этой сцены, и обратно. Неожиданно взгляд его упал на стоящую в сторонке вдову Клауса-башмачника, которая учила принцессу домашнему хозяйству. В руках женщина держала поднос, на котором лежал кусок кровяной колбаски и кувшин кваса. В животе дракона заурчало:

– К чертям собачьим твое нытье, принцесса, – не выдержал дракон, не отводя глаз от угощения, маячившего за спинами селян. – Пусть будет по-твоему, завтра же отнесу тебя

обратно. Дурацкая это была затея, – в сердцах сплюнул он
огнем. – Не каждому дракону нужна принцесса!..

Дракон и кот

Отделавшись от принцессы, дракон вернулся к вдове Клауса-башмачника, Аннике. Потому как драконы держат слово, а еще любят кровяночку. Про эту часть драконьего существования мало кто знает. Все эти сказочки, что дракона нельзя приручить, придуманы самими драконами, чтобы зловерные маги не доставали их просьбами покатать. Ученые уже тогда подозревали, что с аэродинамикой у драконов полный порядок. И проболтались об этом магам. С той поры и начались все эти истории и необъяснимая тяга людей к полетам, за которой крылась обычная зависть, о чем, в свою очередь, догадывались драконы. Поэтому на все предложения провести пару анализов или тесты отвечали огненным дыханием и всяческим отсутствием манер. Помогало, но не всегда. Маги подбили на это дело рыцарство, придумав байку о золотых приисках, которыми владели все без исключения драконы, и об их патологической тяге к принцессам. Драконы, в свою очередь, пытались объяснить зарвавшимся людишкам, что приисков у них нет. А принцессы если их и интересуют, то сугубо в научном или же гастрономическом плане. Но маги оказались убедительней.

Деревенские обыватели восприняли возвращение дракона с христианским терпением. Хотя после приснопамятной сцены с принцессой последствия огненного плевка тушили всем селом. Но сараюшка и пара стогов заготовленного сена уже никому не пожалуются.

– Клятый дракон! – взвыл не своим голосом староста и, несмотря на весьма почтенный возраст, практически без разбега взял высокий забор, который не смог преодолеть в молодости, бегая к соседке Адалинде. Зацепившись портками, будущий староста провисел тогда на заборе до самых петухов. И был снят под улюлюканье всей деревни и презрительное хмыканье Адалинды, напрасно прождавшей его всю ночь.

Сельчане последовали примеру старосты с похвальной сноровкой – прячась кто в доме, кто в погребке, кто в лопухах. Самые везучие сиганули в крапиву, трезво рассудив, что

дракон в нее не ползет. О том, что ящер плевком сожжет и крапиву, и дома, думать никто не хотел. Так оно как-то спокойнее, что ли.

Свист рассекаемого крыльями воздуха нарастал. Дракон, поймав кураж, вдохновившись реакцией сельчан на полет, решил показать местным пару фигур высшего пилотажа. На всякий случай. Начал он с «петли Нестерова». Это когда многотонная туша пролетает над крышами домов, едва не задевая их хвостом, поднимая при этом целую бурю. Именно тогда оставшиеся некрещеными язычники выстроились перед церковью в очередь.

Но Бог не помог. Оказалось, что проклятая зверюга просто разогревалась.

Далее последовали «восходящая спираль», «восьмерка», «штопор» и наконец «боевой разворот». На выходе из «боевого разворота» дракон спалил все стога на поле. Крестьяне впечатлились. Дети подумали основать фан-клуб. Те, кто постарше – кружок ДОСААФ, но выбравшиеся из крапивы и лопухов взрослые разом объяснили недорослям политику деревни, ака – старосты.

Дракон, будучи существом с вертикальным взлетом и посадкой, рухнул прямо перед уже смирившимися крестьянами. Когда пыль рассеялась и из воронки размером чуть поменьше Змеиного оврага выбрался человек, чихающие и отплеывающиеся деревенские впали в ступор.

– Кровянка где? – умильным полусшепотом спросил вновь

прибывший. Но руки мужской половины деревни уже нащупывали кто топор, кто оглоблю, а кто под шумок и соседку. Разбираться, куда делся дракон и откуда взялся молодчик, сельчане не стали, бросились все гуртом. Вновь поднялось облако пыли, из которого доносилось молодецкое хаканье, глухие звуки ударов и звонких пощечин. Затем из этого облака один за другим стали вылетать местные драчуны и просто сочувствующие. С разной степенью повреждений и неполным комплектом зубов их укладывали вдоль стены дома старосты. Женщины и дети с интересом ждали окончания дармового представления, с энтузиазмом делая ставки на то, что закончится раньше – мужики в деревне или силы у пришельца. Выиграли первые.

Появившийся последним из облака дракон (а это был именно он) обвел присутствующих взглядом и под аплодисменты женской половины деревни Нижние Подсолнухи был препровожден к дому Анники. Хозяйка, которая за время траура проронила ровно восемь слезинок, накрыла на стол и уселась напротив, присматриваясь. Попросив вилку и нож, дракон помолился, чем вызвал довольное ворчанье пастора, только что вернувшегося с крестин вновь обращенных, и принялся за еду. Кровянка чудесным образом исчезала во рту этого молодчика с завидной скоростью.

Деревенские, окружив дом веселой вдовы, с замиранием смотрели на это чудо. До тех пор, пока со всех сторон не раздалось урчание голодных животов, сопровождаемое подби-

ранием тягучей слюны. Вскоре двор опустел.

Тем временем колбаски заканчивались. Квас, правда, оставался, но, выпив четвертый кувшин, дракон осоловел и, обведя дом вдовы благочестивым взглядом, выпустил облачко золы из ноздрей.

– Сейчас спою, – бодро заявил он и, видя одобрение в глазах собеседницы, взял первую ноту:

Herr Mannelig herr Mannelig trolofven i mig.¹

К концу песни вдова заливалась слезами, изводя на платки второе полотенце. Слышавшие песню во всех концах деревни жители тоже плакали навзрыд. Распевающий ящер только что заработал несколько очков в свою пользу.

Собравшись выйти из-за гостеприимного стола, он столкнулся взглядом с хозяйкиным котом. Ободранный рыжий бес имел обрубок хвоста, половину уха и склочный характер. К тому же, был жутким собственником. И по совсем уж случайному стечению обстоятельств самозабвенно любил хозяйкину кровянку, запасы которой на его глазах уничтожил залетный фраер.

Первоначальное бездействие кота объяснялось ступором, но теперь он собрался взять реванш. Не сводя желтых глаз с гостя, котяра издал низкий протяжный мьяв, в котором слышалось: «Верни кровянку, гад».

¹ «*Герр Маннелиг, герр Маннелиг!*» – средневековая немецкая песня.

Теперь опешил дракон. Так как размеры кота, а особенно – его когти, приближались к рысьим, он задумался. Превратиться обратно в ящера – остаться в дальнейшем без кровянки. Сцепиться с котом – свои же засмеют, когда узнают. А родственнички всегда всё узнают.

Не спуская взгляда с приготовившегося к атаке котомонстра, дракон нащупал сковороду, на которой Анника приносила ему последнюю порцию кровянки. Уверенности сразу прибавилось. Теперь неизбежную битву можно было свести к ничьей. Видимо, в голову кота пришла та же мысль, так как интенсивность размахивания обрубок хвоста стала спадать, да и в позе появилась неуверенность. Судя по всему, с этим оружием котяра уже сталкивался и знал его поражающие факторы не понаслышке. Хозяйка тем временем приоткрыла глаза, зажмуренные перед лицом неизбежного апокалипсиса, и спешно осенила себя крестным знамением.

В голову дракона пришла светлая мысль. Он щелкнул пальцами и, отложив сковороду, показал коту пустые ладони. Кот задумался.

– Пару минут, – произнес он, пятясь к выходу. – Я мигом.

Кот, подумав, уступил и, когда дракон выскочил за двери, перевел тяжелый взгляд на хозяйку: «Ну и кого ты привела в дом?» – говорилось в нем.

Анника только вздохнула. Она взглянула на себя в зеркало – хороша! Перспектива вырисовывалась заманчивая, но вдовушка выбирать между котом и драконом не собиралась.

Снаружи послышались восторженные крики детворы и хлопанье крыльев, а спустя минуту в дверь постучали. Анника вышла на крыльцо вместе с котом и обомлела. На траве перед домом лежал самый огромный сом, когда-либо виденный ею в жизни. У кота, кажется, случился удар. Он не сводил взгляда с горы мяса, все еще раздувающего жабры и пытающегося напугать размером пасти. Дракон, снова обратившийся человеком, сделал приглашающий жест. Повторять не пришлось.

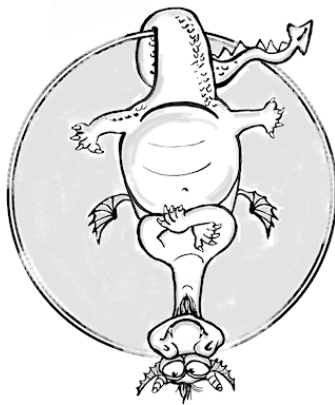
Когда стало смеркаться, Анника все-таки задала интересный ее вопрос, где будет ночевать герр дракон. И, получив лишь легкое пожатие плеч и кивок в сторону леса, тут же предложила комнату в своем доме. Дракон подумал и согласился, достав из кармана пару золотых, молча протянул их хозяйке:

– За постой, – просто произнес он.

Со двора подтянулся кот, разъевшийся до размеров носорога, и, упав на сапог дракона, тут же захрапел. Вечерело.

Дракон и месть принцессы

Как толкуют умные люди – все хорошее когда-нибудь заканчивается. Так могло случиться и с кровяжкой, и с урожаем, и со спокойствием в деревне. Но беда пришла, откуда не ждали. Избавившись от принцессы, деревенские и думать о ней забыли. И напрасно. Она-то как раз думать о них не забывала. И думы эти приобретали форму сугубо карательную. Ну там – сжечь деревню, сжечь дракона. Хотя в этом вопросе принцесса предпочитала не торопиться. Дракона сначала надо было помучить. А потом сжечь. Причем дважды, чтоб снова помучился. Как повернуть это в реальной жизни – принцесса не знала. Только по этой причине рыцари еще не брали деревню штурмом. Но тесто уже, как говорится, подходило.

Поговорив с придворным магом и звездочетом, принцесса выяснила, что связываться с драконом – себе дороже. А после беседы с королевским ученым узнала три новых слова – антинаучно, сингулярность и бозон Хиггса. Правда, как это можно было связать с драконом, она не поняла, но ушла, приободрившись. Принцесса на поверку оказалась натурой деятельной. Ну и что, что готовить не умеет. Не для этого ее, собственно говоря, растили. А эта рептилия... Тут обычно принцесса впадала в ярость, и придворные старались тихонечко смыться подальше. Мало ли блажь какая в ее голову ударит.

Шли дни за днями, и лето стало клониться к осени, а у принцессы наконец вызрел план действий. Главнокомандующий барон фон Клаус как-то обронил, что в прямом бою

одолеть дракона нет никакой человеческой мощи, но вот если зловредную зверюгу опоить, то тут уж рыцари не оплошают. Эге-гей, только держись, чудище трехголовое! В общем, старик так вошел в раж, описывая последующую сцену, что пришлось отливать водой. А ну как приступ сердечный случится?! А главнокомандующий старенький. Так что, немного остыв и уже нормальным тоном, фон Клаус подтвердил: как только дракон уснет, рыцари ему покажут. А заодно и всей деревне.

Осталось придумать, как вырубить дракона с одного удара. Ядром издалека – шумно, да и не точно. Молнией – чудище держит магический удар не хуже пенальти. Плеснуть снотворного в стакан с квасом – опасно, мало ли как пойдет. Вдруг с дозировкой не рассчитают. Да и на роль камикадзе желающих не нашлось.

Но тут нашла коса на камень: последний вариант принцессе приглянулся. Распорядилась она доставить ко дворцу бочку с квасом, а магу наколдовать снотворного. «Только бы формулы не перепутал», – думала принцесса, наблюдая за тем, как ведро зелья вливают в квас.

Не то чтобы она не доверяла придворному магу. Просто путаницы уже раньше случались. Один рыцарь попросил у мага мазь от бородавок и после первого применения обратился в жабу. Насилу расколдовали.

Проверив лично, что бочка не превратилась в лошадь и не ускакала с игривым ржанием, принцесса распорядилась

сбросить ее в реку, а всем рыцарям засесть в засаде около деревни. План был прост в своей гениальности. Деревенские вылавливают бочку с квасом, выпивают и засыпают. Тут трубит горн, и конница на всех рысях врывается в деревню, вяжет ошалевшего дракона и приводит в исполнение аттракцион мук для пакостной рептилии. Занавес!

Тем временем деревенские, не подозревая о готовящейся диверсии, спокойно занимались делами. Диссонанс в сыгранный оркестр повседневности вносил, естественно, дракон. Оказалось, что зверюга, большую часть времени пребывающая в человеческом состоянии, деревню покидать не собирается. К радости Анники с котом и печали деревенских драчунов. По первости оные мечтали о реванше, ибо где ж это видано, чтоб вдесятером с одним не управиться. Но второй урок оказался болезненнее первого. И дракона оставили в покое. Он быстро сошелся с кузнецом, помогая раздувать печь огненным дыханием. И, как ни странно, с рыбаками. Однажды после кровянки с квасом дракон, под контролирующим взглядом кота, показал деревенским фокус.

Взмыв в небо, он выплюнул огненный шар в мирно текшую речку. Взрыв был такой, что детвора, сидевшая до этого рядком на заборе, тем же рядком оказалась на крыше соседского дома. Наблюдающих за действием рыбаков раскидало по кустам. Когда же под ругань и церковные проклятия рыбаки во главе с пастором (оказавшимся первым рыбаком в округе) глянули на воду, то крики, не снижая децибел,

сменили тональность. Рыбы, оглушенной столь непочтительным образом, плавало видимо-невидимо. Рыбный день – четверг – растянулся на неделю.

– Воистину чудны дела твои, Господи! – произнес тогда пастор и прочно ввел дракона в число тварей Божьих.

Спустя пару дней плавания на фарватере деревни была замечена бочка. О чем тут же было доложено старосте, решившему лично проинспектировать эдакое диво. Бочка мирно себе проплывала мимо, когда острый глаз старосты прочел название содержимого: «КВАС».

«Опаньки! – подумал про себя староста. – Вот уж свезло, так свезло».

Под счастливые крики бочка была извлечена и изучена. Внутри булькало и пахло соответственно этикетке. Осторожно выбили затычку, и в первую же кружку потек дивный пенный напиток. Старосте поднесли первому. Подкрутив усы, старый ворчун одним махом осушил посудину.

– Хоро... – и захрапел. Стоя. Как пшеница в поле. Деревенские попятились. Староста храпел, паника нарастала. Решили послать за драконом. Прибывший постоялец Анники осмотрел бочку, старосту и почему-то небо. Последнее местные списали на драконьи причуды. Снова осмотрев бочку, дракон почему-то улыбнулся и посоветовал вылить квас в реку.

– Пить его все равно нельзя, – резонно заметил он. – А старосту вы все же в дом перенесите. Не всю ж ночь бедолаге

пугалом работать.

В деревню уже влетала рыцарская конница. Что тут началось! Бабы причитали, дети кричали за компанию. Мужики не причитали и не кричали, но гудели, словно улей растревоженный. И все посматривали на дракона. Но он всех успокаивал и просил подождать окончания этого, как его... «Шапито»! А потом пропал.

Рыцари вдруг заметили, что из всех деревенских спит один старик, и стали притормаживать, озираясь по сторонам. Следом за ними в деревню въехала сама затейница.

– Помните меня, бандиты?! – с ходу заявила она, и местные пригорюнились. Принцессу узнали все. – Где эта рептилия болотная?! – рывкнула она следом так, что галки испугались и порскнули с насиженных ветвей.

Далее последовало перечисление личных качеств, недостатков и родословной дракона. Местные заслушались, очарованно ловя каждое новое слово. Грамотные пытались записывать, чтобы позднее просветить остальных. Принцесса не умолкала, а заметив внимание публики и (пока еще жидкие) аплодисменты, уже не могла остановиться. Таких благодарных слушателей во дворце у нее не было.

Ее несомненно выдающаяся оратория была внезапно прервана чьим-то отчаянно сдерживаемым иканьем. Но стоило ей остановиться, как и икота прекращалась. Деревенские стали что-то подозревать и поглядывать по сторонам. Принцесса тоже. Рыцари, вообще не поняв, что происходит, сто-

или по стойке «смирно».

– А ну-ка выходи!

– Ик!

Взгляды всех устремились в глубь толпы.

– Чурбан неотесанный!

– Ик!

– Самовлюбленный павиан! – прямо в точку. Последний ик выдал негодника с головой! Принцесса замерла, рыцари, наоборот, оживились, деревенские отшатнулись. В центре толпы стоял мальчишка с вихрастой, но гордо поднятой головой.

– Фы не могли бы пофедленней, я запифыфаю, – вдруг выдал он и окинул всех виноватым взглядом.

Принцесса, набравшая воздуха для продолжения словозлияния, внезапно поперхнулась и заметно смутилась. Рядом с ней оказался фон Клаус:

– А где дракон, Ваше Высочество?! Неужто удрал?

– Так вот же он! – принцесса указала на него рыцарям. –

Вяжите его скорей!

Рыцари смутились. Еще больше смутился фон Клаус.

– Э-э, Ваше Высочество, так это ж человек?!

– Это дракон, болван! – не сдержалась она. – Ты только в глаза его наглые глянь.

Рыцари переглянулись. Малец же с трудом, но преодолел словарные перипетии:

– А дфакон уфетел.

– Когда?! Куда?!

– Так фчева и уфетел. До уфына.

Фон Клаус молча повернул коня. Следом за ним потянулись и остальные рыцари, втихоря сплевывая в дорожную пыль. Ошарашенная принцесса еще с минуту озиралась по сторонам, затем в сердцах плюнула и поехала за конницей. Деревенские тем временем окружили мальчишку:

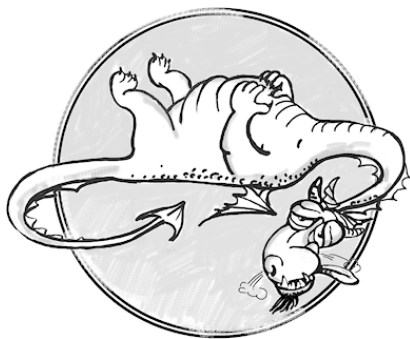
– Мальчик, а ты чей будешь? – стали присматриваться женщины, как более ответственные.

– Чей, чей! Свой собственный, – буркнул сорванец, обращившись драконом.

Как лечить дракона

«Драконы не любят зиму». Эти слова произнес дракон, когда открыл дверь на требовательный стук. Окончание фразы потонуло в смачном плюхе, ругани на драконьем, постепенно переходящей к обещаниям членовредительства в особо крупных размерах. Влетевший снежок был поистине эпическим, и видно, что делался с душой. Забыв о хозяйке, тепле и уюте, дракон рванул на улицу мстить. Однако мелкий паршивец, что так прицельно приложил ему снежком, уже растворился в толпе одинаково одетых детей. К тому же каждый из них держал в руке по снаряду.

– По врагу человечества – пли! – тоненько взвизгнул еще не окрепший голосок, и на растерянно хлопавшего глазами

дракона сошла снежная лавина. Выбрался из нее он далеко не сразу. Зато далеко были сорванцы, заманившие его в столь примитивную западню. Стуча зубами, ресницами и даже, кажется, пальцами на ногах, несчастный зашел в дом. Явление было достойно картины живописцев Северного Возрождения. Дракон знавал парочку. Анника знакома не была, но зато помнила несколько десятков ругательств, в исполнении которых достигла, по ее собственным словам, новых вершин. Пророчествовать она не хотела, но у нее получилось. Сначала дракон расчихался, спалив пару рушников и скатерть. А к вечеру его зазнобило, потекли сопли, поднялся жар.

– Ящер ящером, – отметил зашедший пастор, – а сопли-то человечьи.

Осенив крестным знаменем исходящего жаром и жидкостью бедолагу, он отбыл с чувством выполненного долга. Анника, проводив пастора, всхлипнула, утерла украдкой слезу. Ночь не задалась. Кот, от каждого чиха подскакивавший до потолка, притомился и уснул. Анника, с трудом дождавшись утра, отправилась по соседям добыть красного вина, чтобы приготовить глинтвейн. Вино нашлось. Не было чудо-травы – галангала. За ней надо было бежать в соседнюю деревню, где у травницы Агаты был годовой запас всяких полезных в быту растений. Всплакнув еще раз, Анника оделась и пошла, оставив дракона на попечении кота. Кот обещал присмотреть. Несчастный дракон к тому времени совсем из-

немог. Кошачий бегемот участливо мурчал и трогал лапой горячий лоб сотоварища.

Тем временем по деревне пронесся слух, что зверюга при смерти. Деревенские опечалились и решили лечить его самостоятельно. Когда еще эта Анника приготовит глинтвейн. В ход пошли бабушкины рецепты. Первой прибежала соседка Одилия, неся огромную бутылку мутной жидкости с черной взвесью.

– Шнапс с перцем, – гордо провозгласила она, старательно отмеряя шнапс в чашку. Дракон недоверчиво принялся, но «мокрый» нос не дал ему насладиться ароматом целебного напитка. – Залпом пить нужно, – добавила сердобольная соседка.

Дракон скривился, но выпил. Дальнейшие метаморфозы, происшедшие с ним, деревенские передавали из уст в уста еще долгое время. Лицо страдальца побагровело, глаза налились огнем, который и вырвался на волю с диким кличем:

– Уа-а-а-а!!!!!!!!!!!!!!!!!!!!

Струя пламени вылетела на добрый метр, спалив высокую шапку гостыи и оставив на ее лице слой копоти. Несчастливая, не ожидавшая подобной реакции, упала с табурета и на карачках проследовала к выходу. Ползком преодолев последние метры, Одилия перевалилась через порог и под хохот детворы покинула зону боевых действий.

Следующего делегата встретила презрительная мина кота и несчастная физиономия дракона, глядевшего на мир гла-

зами как у испуганного ребенка. Им оказался кузнец Йохан, принесший маленькую склянку с пробкой.

– Настой травяной, – прогудел он. – Матушка моя делала. Так мы враз от всех хворей излечивались.

Дракон боязливо натянул одеяло на голову.

– Не буду, – прогундосил он из укрытия.

– А ну как лапы свои чешуйчатые двинешь, – расстроился кузнец, одной рукой стягивая одеяло, а другой придвигая опасную жидкость к драконьему рту. – Кто мне меха в кузне раздувать будет?

– А...

– Все будет хорошо, – умильным тоном заявил кузнец, вливая в рот тягучую, как смола, настойку.

Вы когда-нибудь кусали лимон? А он вас? Представьте, что в вас вцепилась стая лимонов. То же самое испытал дракон. Рот дракона свело наподобие куриного жемка, из глаз брызнули не какие-нибудь, а самые настоящие крокодильи слезы. Дракон истошно завопил и стал вырываться. Однако кузнец держал крепко. И выпить бы бедолаге весь пузырек до дна, но тут вмешался кот. Видя, что друга-товарища сейчас отправят в другие, куда более милосердные, края, мохнатый левиафан, набрав скорость, протаранил кузнецкие ноги. Сила удара сотрясла дом. Йохан выронил злосчастный пузырек, который тут же был загнан котом под кровать. На все увещевания кот отвечал предупредительным мявом, обозначающим в переводе: «Не доводите до греха!»

Пока кузнец воевал с котом, дракон выпил ведро воды и в изнеможении опустился на кровать. Обильно потев, он отстраненно наблюдал за кошачьей обороной. Победенный и расстроенный кузнец ушел. А в приоткрытую дверь ввалилась следующая делегация во главе со старостой.

– Мы тут, эта, посовещались и решили, что помочь тебе должно, эта... того... кровопускание.

– К-какое к-кровопускание, – от волнения дракон стал заикаться.

– Как какое?! – искренне удивился староста. – Лезвим тебе по руке черканем да кровушку дурную и выпустим. А как только влага сия злокозненная из тебя выйдет, то и за выздоровлением дело не станет.

Дракон высморкался в огромный платок, вырезанный Анникой из цельной простыни, и встал во весь рост.

– Резать себя не дам.

– Так то ж для дела, – расстроился Пантус. – Мы уже и косу приготовили.

– Ч-что вы там приготовили? – опешил дракон, к которому вернулось заикание.

– Косу, – простодушно ответил староста, не замечая зарождавшегося драконьего гнева. Зато его заметил кот и первым полез под лавку. Преображение было внезапным и зрелищным:

– Я вам человечьим языком сказал – резать себя не дам! А-а-а! – драконий вопль услышала Анника, спешащая на-

зад с пучком заветной травы. Поняв, что дела приняли крутой оборот, несчастная вдова припустила со всех ног. Но все равно успела застать, как двери ее дома распахнулись и из них вылетела разношерстная толпа. Некоторые прямо с низкого старта задали стрекача, другие ползком преодолели последние метры, а остальные, вроде старосты, остались торчать головой в сугробе.

– Мы ж как лучше хотели, – расстроено всхлипывали они, пробегая мимо вдовы.

Так что в дом Анника входила с противоречивыми чувствами. На полу были лужи воды, на одной стене виднелся след гари, вещи разбросаны, кровать сдвинута. Дракон нашелся за занавеской в ее комнате.

– Они ушли? – прошмыгал он. – Анника, они меня лечили... Всяким!

– Ну-ну, – успокоила его хозяйка. – Разве кто из них знает, как простуда лечится-то?! А я вот сейчас мигом тебе глинтвейна сварю. Меда липового с молочком горячим приготовлю. И будешь завтра как новенький!

– А кровь пускать не надо?! – Дракон едва не всхлипывал.

– Не надо.

– Тогда ладно, лечи, – успокоенный тихим голосом, дракон лег обратно в кровать. Кот подвинулся, освобождая другу место на подушке, где лежал, свернувшись клубочком. – А косу я им потом отдам, весной.

Дракон VS Гензель и Гретель

Весна! Сколько всего вмещает одно только слово. Дракон удивлялся этому факту, местные – не очень. Жизнь после зимы приходила в норму. Скоро начнется сев, да и других дел у жителей Нижних Подсолнухов невпроворот. Дракон о многих вещах даже не догадывался. Вообще, пребывание за городом, да не в пещере, а среди людей, его затянуло.

В груди появилось некое томление. Даже домашний бегемот, которого по ошибке все считали котом, мурчал, требуя ласки. А по ночам слышалось его басовитое мяуканье вкупе с остальными деревенскими котами. Глаза Анники каза-

лись бездонными и странно блестящими. Дракон хотел уже поинтересоваться подобной переменной, но постеснялся. Пару таких взглядов он поймал от местных красавиц у колодца, куда ходил за водой от скуки. Взгляды понравились, хозяйки не очень. О чем он по простоте душевной и рассказал Аннике. Та по краткому описанию глазастых быстро вычислила адреса. Молнии из ее глаз сожгли половичок. Схватив скалку, она выскочила из дома со словами: «Я вам сейчас глаза-то повыцарапываю!» Далее следовала непередаваемая игра слов, в которой дракон еще путался. Ясно было только одно: не за горами крупный скандал!

И точно! Скоро по деревне пронеслась буря. Опытные прятались, неопытные глазели. Одним было весело, другим не до смеху. Дракон невольно опять оказался в гуще событий. Но по незнанию снова пропустил все веселье. Анника вернулась взлохмаченная, поцарапанная, но с трофеями. Далее следовала фраза, которой дракон опять не понял.

– Будут знать, как на чужое зариться!!! – После чего строевым шагом прошла мимо дракона в свою комнату. Было ему невдомек, что отец Анники был не из этих мест и старики ворчливо обзывали его таборитом², но за глаза и вполголоса. Потому как здоровенный моргенштерн у того был всегда под рукой, и пускал он его в дело пару раз с неизменным успе-

² *Табориты* – радикальное крыло гуситов. Чешское реформаторское религиозное движение, названное по имени Яна Гуса и принявшее в 1419 году революционные формы.

хом. Характер папочки передался и дочери, которую и до, и после свадьбы задевать народ побаивался.

Дракон переглянулся с котом. Кот флегматично дернул хвостом, зевнул, будто говоря: «Женщины!» После чего снова удрал к соседским кошкам. Дракон задумался. Не помогло. Решил выйти подышать свежим воздухом. Стоя на крыльечке, он зажмурился от яркого весеннего солнца, как вдруг:

– Фьють, тум!

Дракон открыл глаза. Прямо возле его носа из стены дома торчала стрела. Все весеннее настроение испарилось в одну секунду. Перед его взором предстала парочка, о которой слышали все сказочные и не очень существа. Гензель и Гретель. Брат с сестрой. Сумасшедшие охотники за головами. Затянутые в черную кожу, обвешанные с ног до головы орудиями нелегкого промысла, они доводили всех подобных ему либо до ночных кошмаров, либо до костра. Гензель славился тем, что, получив деньги, не бросал начатое. А Гретель в их веселой компашке отвечала за поджоги.

Первое, что пришло на ум, было: «Мама!» – но его сменила решимость и Анниковы выражения. Он ввалился в дом и начал баррикадировать дверь. На справедливый вопрос хозяйки: «Какого дьявола тут происходит?!» – он ответил лаконично:

– За мной пришли...

Кто пришел, стало ясно с одного взгляда. Анника задумалась и начала готовиться к осаде. В глазах хозяйки зажглись

нехорошие огоньки. Вся весенняя суэта была на время позабыта. На столе разложили оружие: скалку, спицы, топор, полено.

– Отобьемся, – бодро заметила она.

– А может, забудем все и сбежим?! – подал голос дракон.

– НИ ЗА ЧТО! – по слогам отчеканила боевая хозяйка, подбрасывая и ловя полено. – Не от таких отбивались!

От каких же они тут отбивались, дракон спросить постеснялся. Но уверенности поприбавилось.

С улицы раздались призывы выходить с поднятыми руками. Анника ответила непонятными словами. Затем затянула песню:

– Врагу не сдастся наш гордый «Варяг», пощады никто не желает....

Дракон восхитился. Гензель и Гретель по ходу тоже, так как костер разводить они стали быстрее. За дармовым зрелищем тем временем начали стекаться местные зеваки. На тот же вопрос, что тут происходит, жителям, во главе со старостой, было показано письмо за подписью принцессы Скорбург-Пассуанской Эрмелинды.

– Вот ведь деятельная натура! – ухмыльнулся староста. – Никак не забудет Нижние Подсолнухи.

Деревенские порадовались этому факту, так как курс молодого бойца, что по принуждению пыталась пройти принцесса, был ею провален.

Тем временем в драконе как бы проснулся Дракон. «До-

коле?!» – возопил он и бросился на улицу, на ходу обращаясь в крылатого ящера, каким его тут знали и уже почти любили. Однако Гензель и Гретель были тертыми калачами. И одним, пускай и огнедышащим, драконом их было не напугать. Они моментом отложили холодное колюще-режущее оружие и принялись снаряжать арбалеты.

Дракон заложил вираж и плюнул пламенем.

– Промах! – в голос комментировали мальчишки, сидящие на заборе. – Чуток правее!

Приняв к сведению поправку, дракон снова саданул огнем. Но охотники за головами уяснили, что играют в меньшинстве и сменили тактику. Теперь они все время перебегали, стреляя из арбалетов. Дракон сердился, но поделаться ничего не мог. Стреляй он по площадям, рано или поздно накрыл бы негодяев. Но от Подсолнухов тогда остались бы одни головешки. Расстраивать местных не хотелось.

Спланировав, он приземлился перед домом Анники, прямо в разведенный костер. Местные начали скандировать обидные речевки. Гензель и Гретель огрызались в ответ. Дело не ладилось. Чувствуя приближение фиаско, неутомимые охотники за головами пошли ва-банк. На свет появились сети, которые при помощи стрел брат и сестра накинули на дракона. Не ожидавшие такого поворота, местные сбились с такта. Дракон увяз. Гретель, плотоядно улыбаясь, подбросила дров в костер. Гензель извлек огромный нож. Все зрители невольно задержали дыхание, НО...

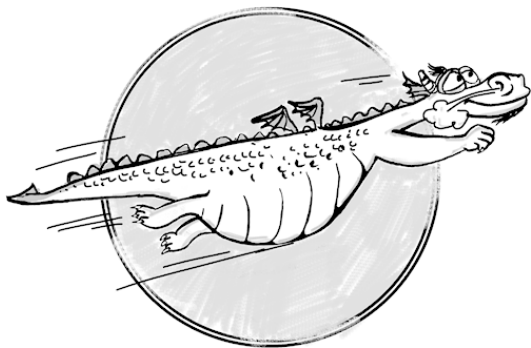
Положение спас пастор. Маршируя во главе колонны верующих, он басовито выводил: «Избави нас, Господи, от неистовства норманнов...» Воинствующие родственники опешили, чем и воспользовалась Анника. С боевым кличем она опустила скалку на голову Гретель. Гензелем занялся кот, пустив в ход рыболовные крючки, которыми люди называли его когти. Пока Гензель отбивался от кота, скалка пошла в дело повторно. Трибуны ликовали!!! Вся семейка была повержена. Поле битвы осталось за местными.

Чуть позже на сельском сходе подняли вопрос, что делать с лежащими смирно охотниками за головами. Пока думу думали, едва до драки не дошло. Всех успокоил дракон, заявив, что решение найдено. Обернувшись летающим ящером, он подхватил пленников и унес в неизвестном направлении. Вернулся он тем же вечером, с одной пустой лапой, вторая бережно сжимала корзинку с цветами и сладостями. Анника зарделась. Дракон тоже. Миновав молчаливых односельчан, стоящих с открытыми от удивления ртами, они скрылись в доме, из которого допоздна доносились слова песни на непонятном большинству подсолнушцев языке. Что-то там про то, как любить женщину.

Предсвадебный переполох

Дракон летал! Казалось бы, ну что здесь такого?! Ну летает себе ящерица и пусть. Лишь бы скот не таскала да не поджигала все подряд. Но так бы не сказали жители Нижних Подсолнухов. Их дракон летал не вопреки законам аэродинамики и Господа Бога, а *ex magno amoris*¹. И здесь, как и раньше, мнения деревенских разделились. Одни говорили, что это от кровянки. Вернее, от неумеренности в употреблении оной. Другие – что весна ударила ящера по голове сильнее, чем всех тварей божьих. Третьи подозревали Аннику. И не беспочвенно! Цветы и сладости – сильнодействующее средство для каждой женщины.

¹ *Ex magno amoris* – от большой любви (лат.).

«Дело идет к свадьбе», – ворчали местные, обсуждая глупые улыбки Анники и легкую паволоку ее очей. А также неумемную энергию дракона, не знавшего, что же на радостях поджечь. Самым счастливым в деревне казался пастор. Вот уж кто собирался привести агнца и дракона к алтарю любой ценой. А чтобы дракон по неопытности не натворил дел, взялся его просвещать. Дракон смутился, деревенские жители ослабились. Но отступать было некуда.

– Перво-наперво, – вещал пастор, – юноша, познавший любовь, должен подложить колечко в бокал своей избраннице. Дабы она прониклась серьезностью его намерений. Далее...

– Помедленнее, падре, я записываю, – от усердия дракон, как школяр, высунул кончик языка, водя гусиным пером по клочку бумаги. – А колечко каким должно быть?

– Да какая разница! – вспыхнул пастор, не любивший, когда его сбивали с мысли. – Вот же шельма летучая, забыл, что сказать хотел. Ну да ладно, сын мой, торопиться не будем. Действуй. Перекрестив дракона, вместилище мудрости удалился.

А дракона заклинило! Какое кольцо подложить в бокал Аннике?! Простое – обидится. Слишком вычурное – не поймет. На ум всплыла песня, что он слышал, пролетая над городом: «Мы девчонки из простых, без сережек золотых!..» И здесь ведь та же история. Плюнув огнем, он полетел в свою

пещеру проводить ревизию. Там тоже не задалось. Колец было много. Очень много. Годы собирательства, разбоя и вымогательства прошли недаром. А сказочка о проклятии Нибелунгов вообще действовала безотказно. В конце концов дракон сделал выбор в пользу золотого перстня с рубинами и крупным сапфиром. Кольцо приятно ложилось в кулак. «То, что надо, – ухмыльнулся он и стрелой полетел обратно».

Вечер плавно скатывался в ночь. Ужин был съеден, на столе стояли кувшин рейнского вина и два бокала. Кот пить вежливо отказался. Галантно налив даме вина, дракон незаметно утопил в нем кольцо. Улыбнулись. Чокнулись. Пригубили. Дракон ухмыльнулся, хозяйка выпучила глаза. Затем стала хватать ртом воздух и едва не рухнула на пол. Она хваталась то за горло, то за грудь, показывая, что очень довольна. И померла бы, если б не кот. Мяукающее чудище всем своим немалым весом спикировало на хозяйкину спину, и – о чудо! – причина внезапного удушья вылетела, стукнув дракона в глаз.

– Что это было? – хрипло спросила Анника, едва придя в себя от пережитого. Дракон, чувствуя приближение грозы, виновато показал кольцо.

– Я... тут... это... значит.

– Понятно, – процедила сквозь зубы хозяйка. Но кольцо взяла, взвесила на руке. Уважительно крякнула и посмотрела на дракона. – Кто?!

– Пастор, – сдал поделщика дракон, ибо даже у инквизи-

торов глаза были добрее.

Анника закатала рукава:

– Ну, птичка божия, держись! Мало не покажется!

Как только на свет появилась скалка, дракон забеспокоился.

– А может...

– Не может!

– Но...

– Все равно!

– А кольцо...

– Симпатичненькое! – другими словами, расправу над пастором отложили до утра.

С первыми лучами солнца у дома пастора собралась целая толпа. Внутри шел сложный, но продуктивный разговор. Анника вещала, пастор блял, толпа рычала от смеха. Когда на пороге объявилась будущая невеста, улица опустела. Крутой нрав Анники знали все. Но главное деревенские услышали – скоро грянет свадьба! Факт был подтвержден на заутренней службе самим пастором. И началось!

Первым делом назначили *Polterabend*³. Горшечник едва не

³ *Polterabend* – это праздник перед свадебным торжеством в доме родителей невесты. На него приходят родственники, соседи и друзья. Все приносят с собой домашнюю утварь из глины или керамики: посуду, статуэтки, цветочные горшки и многое другое. В разгар праздника все это с шумом и криками разбивается под окнами дома, а затем будущие супруги начинают собирать осколки и черепки, и чем больше наберут, тем лучше. Считается, что таким образом гости отгоняют всякую нечисть и желают молодоженам счастливого брака. В завершение праздника жених сажает возле дома невесты куст розы как символ любви.

стер себе руки, но жители были довольны. В назначенный день у дома Анники собралась вся деревня: накрыли столы, музыканты сдули пыль с инструментов и ударили по струнам. Молодежь бросилась танцевать, старшие принесли домашние заготовки. И когда над Подсолнухами понеслось:

«Du, du hast, du hast mich...»⁴

Вся глиняная посуда ударила оземь. Дракон, не ожидавший такого поворота, едва не обернулся ящером, но вовремя сдержался. Анника пищала от счастья.

– А теперь, по традиции, – возвестил староста, – вы должны все осколки собрать!

– Все?! – уточнил дракон, нервно оглядываясь на Аннику. Та покачала головой:

– Сколько сможем.

Пока будущие молодожены ковырялись в осколках, соседи произнесли несколько тостов, и вновь грянула музыка. На этот раз даже в лесу с криками сорвались с веток птицы. В наступивших сумерках староста поднес дракону какой-то куст. Дракон, наевшийся местными обычаями, боязливо покосился:

– Это еще что за фитюлька такая?! Есть не буду, предупреждаю по-хорошему.

– Да что вы, господин дракон, – деланно обиделся староста, – когда ж мы вам зла-то желали. Этот цветок у дома посадить надобно, традиция такая.

⁴ Ты. У тебя есть. У тебя есть я. (Нем.)

– Ну раз традиция, – проямлил дракон, протягивая руку. Получив в ладонь с полсотни иголок, он взвыл нечеловеческим голосом так, что даже перекрыл оркестр. Пока местные разобрались, что к чему, дракон дважды обежал вокруг дома, трясая рукой. На третьем круге его перехватила Анника, сообразившая, что за куст подсунул староста. Пока вытащили все иголки, наступила ночь:

– Ну фто, фафать будете, ифи как, – осведомился младший Гогеншофт, которому на радостях выбили передний зуб.

– Будем, будем! Черт бы побрал вашего старосту, – прорычал дракон. Одним взмахом он вырвал шмат земли и с радостью опустил в него куст, представив себе физиономию старого Пантуса.

Под свет факелов население Нижних Подсолнухов разбрелось по домам в предвкушении главного действия. Музыканты обещали обновить репертуар, кузнец – пригласить заезжих мордovorотов. Пастор – начистить орган. С дракона взяли слово устроить пирошоу. И на этой мажорной ноте на деревню опустилась ночь.

Свадьба

От чего можно проснуться в день собственной свадьбы? От волнения, от надобности многое приготовить, от чувства утраты чего-то важного. Дракон проснулся от переливчатого колокольного звона. Пастор бил в колокол так, что его звон мог пробудить все рати небесные. Как натура увлекающаяся, удержу он не знал, поэтому наяривать начал с раннего утра. Подскочив на кровати, дракон столкнул шерстистого носорога на пол и, пока кот спросонок ошалело водил по сторонам головой, бросился закрывать окно. Уронил горшок с геранью, ударился мизинцем ноги об угол кровати и, кажется, познал сущность бытия.

На шум из своей комнаты выскочила Анника. В руке невеста сжимала скалку. В ее глазах дракон прочел: «Кто виноват?!» По-видимому, что делать, она знала и так. Нужно будет познакомить ее с парой философов, решил дракон, любуясь избранницей. Та, заметив восхищенный взгляд, ударилась в краску. Но не успели молодожены открыть рот, как в дверь забарабанили. Шипя под нос нелицеприятные пожелания в адрес визитера, дракон пошел открывать. На пороге стоял кузнец с молотом и ржавой старой пилой:

– Я, эта, пилу вам приготовил. Вы не смотрите, что она старая, пилить замаетесь, – ни с того ни с сего объявил он. Дракон, только ставший узнавать людские обычаи, насторожился. В памяти невольно всплыла попытка сельчан его лечить. Желудок свело, как и в тот день. Кузнец тем временем

продолжил: – А так я за тобой пришел. Пока невеста готовится, жениху в доме делать нечего. Не по-людски это.

Крыть было нечем. Повздыхав для вида, дракон отправился в кузню. Где и провел полдня. Когда же он вышел на улицу, деревню было не узнать. Подсолнухи преобразились. Повсюду была видна женская рука. Последние несчастные «добровольцы» подметали крылечки, вздыхая и вяло поругиваясь. Поперек улицы болтались гирлянды и факелы. Начиная от Анникиного дома, расставили столы, на которые запасливые жители выставляли еду, шнапс и квас.

И тут дракона пробил холодный пот: «Кольцо!» Обручальное кольцо, которое следовало торжественно надеть на палец при большом стечении людей, колокольный звон и пристальный взгляд пастора. Кляня все на свете, он обернулся крылатым ящером и взмыл в небеса. Пещера встретила его прелой листвой, скалящимися рыцарскими черепами и сыростью. И никакой кровянки. В ответ на это желудок бессовестно квакнул, требуя подачки. Дав ему мысленного пинка, дракон приступил к разбору завалов.

Никогда еще его собственная пещера с сокровищами не казалась ему бездонной. Поиски затягивались, нервы истончались, желудок в припадке бился о ребра, настаивая на своем. Капитулировав, дракон вспомнил о кольце бабушки, нежно любимой и почитаемой. Кольцо лежало в отдельной нише, словно ожидая своего выхода. Подхватив искомое, дракон кинулся вон, по дороге больно ударившись коленкой.

Искры из глаз помогли рассмотреть выход. Черепа все так же скалились, от души потешаясь.

– Закопаю! – в сердцах рывкнул дракон, совершая вертикальный взлет. Звери, слыша это, попрятались.

Деревня встречала его гулом человеческих голосов и вялыми ударами в колокол. Пастор, видимо, все-таки притомился. Спикировал дракон к своей суженой под бравурные звуки оркестра, старательно выводившего:

Ты такая одна, никогда и нигде
Не встречал я такой красоты на Земле.
Меркнет рядом с тобой Луны полной свет,
Знает она – красивей тебя нет.

Пастор к тому времени затих окончательно. Поэтому, дослушав песню, молодожены двинулись к церкви. Анника была одета в красивое белое платье, в руках она торжественно держала букетик цветов, лично надранных драконом в саду принцессы. Потоптавшись на грядках, словно слон, дракон хотел оставить памятный след, но передумал, внезапно устыдившись. Поэтому ограничился тем, что сорвал все, до чего дотянулся.

И вот наконец молодые перешагнули порог церкви. Пастор сиял почти что ангельским светом. Особенно когда затянул первые строки Литургии Слова. У дракона в этот момент страшно не вовремя зачесалось за ухом. Но так как руки были заняты, пытка продолжалась.

– Возлюбленные мои, вы слушали слово Божие, напомнившее вам о значении человеческой любви и супружества. Теперь от имени святой Церкви я желаю испытать ваши намерения, – вещал пастор. Чесотка усиливалась.

– Имеете ли вы добровольное и искреннее желание соединиться друг с другом узами супружества?

– Да! – не задумываясь, ответили молодожены. Рука дракона замерла на полпути.

– Имеете ли вы намерение хранить верность друг другу во здравии и болезни, в счастии и в несчастьи, до конца своей жизни?

– Да.

– Имеете ли вы намерение с любовью принимать детей, которых пошлет вам Бог, и воспитывать их в христианской вере?

– Да! – вопль радости полетел к небу, дракон почесал-таки за ухом.

– Отлично! – воскликнул пастор. – Ты, сын мой, встал на путь исправления! Теперь же протяните мне свои правые руки, – когда стола соединила их, дракон занервничал. Он слышал, что так бывает со всеми. Но это почему-то не успокоило.

Тем временем пастор объявил черед надевания колец. И дракон с умилением увидел, что Анника тоже приготовила ему сюрприз. Ее колечко в виде золотого свернувшегося дракончика выбило-таки скупую слезу из его глаз. Никто

еще не дарил ему колец. Добровольно. До этого самого дня. А это значит около двухсот лет. Время, когда все приличные драконы обзаводятся своими собственными принцессами. Но нашему дракону в этом как-то не везло. До встречи с Анникой. Он истово переосмыслил свое существование, придя к мысли, что такая женщина стоит того, чтобы исполнять ее маленькие капризы и прихоти. Так как достоинства все равно перевешивают все ее причуды, и это даже если не брать в расчет кровянку.

В зале плакали, умилялись, строили планы, завидовали. Но молча. На выходе из церкви, по традиции, на голову Анники и дракона обрушился водопад зерна. Рыча и отплевываясь, дракон искал взглядом, кого бы сжечь, но невеста объяснила, что это специальный обряд для молодых.

– Люди, вы больные, – прошептал в ответ дракон, но это были только цветочки. Путь молодоженам преградили козлы, на которых лежало огромное бревно. Тут же рядом обретался и кузнец со своей пилой.

– Пилите, Шу... О нет, чего это я. Просто пилите, – пробасил кузнец. – Тем самым докажете, что вместе способны преодолеть любые препятствия.

Фраза, сказанная утром, наконец-то обрела смысл. Дракон покосился на Аннику:

– Тоже традиция?

– Угу, – обреченно пробормотала она, впечатленная размером бревна.

– Отлично, – буркнул дракон и спалил бревно вместе с козлами, а также бровями кузнеца. – Вот так мы справимся с трудностями.

– Ну... Дык... Эта... – расстроился кузнец, полночи тупивший пилу. – Можно, конечно, и так. А что?!

Молодые продолжили путь к столам, уставленным яствами. Гости, а это были все без исключения подсолнушцы, уже занимали свои места. Музыканты перебирали струны, настраиваясь на долгую ночь. Их угостили шнапсом первыми, чтоб веселей играли, – и понеслось:

Миленький ты мой,
Возьми меня с собой!
Там, в краю далеком,
Я буду тебе женой.⁵

Молодежь пищала от удовольствия, но старики хмурились и требовали классику. Дракон ничего не смыслил в человеческой музыке, но вскоре и он не устоял. Оторваться от Анники и двадцати блюд было невозможно. Они счастливо смеялись, хотя дракон подозревал, что на этом традиции не закончились. И точно, как в воду глядел!

Только музыканты согласились уважить стариков, и над Подсолнухами полились первые аккорды «Wo de

⁵ Русская народная песня.

«Nordseewellen»⁶.

Кто-то ностальгически вздыхал, кто-то украдкой подливал шнапса соседу. Дракон снова удивился. Он слышал про Московию всякое, но главное, что там жутко холодно и медведи ходят по улицам. Медведей он недолюбливал, о чем и хотел сказать Аннике. Но вместо нее рядом с ним в белом платье сидел здоровый бородатый мужик, похожий на медведя. Он подмигивал ему, улыбаясь щербатым ртом. С перепуга дракон дал мужику в глаз, а когда тот обиделся, дал еще раз. Крик «наших бьют!» он не расслышал, но начало драки не пропустил. Между столами образовалась куча-мала. Староста смахивал скупые слезы, приговаривая:

– Какая ж это свадьба – без драки!

Уложив последнего драчуна, который оказался одним из специально приглашенных кузнецом гостей, дракон отправился на поиски Анники. По традиции (при этом слове глаз дракона начинал уже дергаться), он должен был обходить дома, угощая всех, находящихся внутри, квасом, пивом и шнапсом, пока не найдет невесту. Оценив размеры Подсолнухов и умножив в уме на количество выпивки, дракон приуныл. Но тут на выручку другу пришел кот, который бесовестно воровал сосиски со стола на глазах у изумленной публики. Раскачиваясь и теряя сцепление с почвой на поворотах, шерстяной мастодонт мчал по улице, призывно мяу-

⁶ «Wo de Nordseewellen (Friesenlied)» – «Где волны Северного моря» (*несня фриз-зов*).

кая. Хозяйка обнаружилась в доме горшечника, развлекающая его детей. В деревне поговаривали, он не иначе как лепил их из глины. Столько у него набралось! Поторговались, разлили, чокнулись.

– Я хочу маленького, – прошептала Анника. Дракон, в этот момент пьющий шнапс, поперхнулся и едва не задохнулся. Горшечник хлопнул его мозолистой рукой по спине, и дракон со слезами на глазах благодарно кивнул.

– Ч-чего?!

– Не чего, а кого, – насупилась невеста. – Маленькую лялю.

У дракона маленькие ляли ассоциировались почему-то с капризной принцессой. И вот, представив себе полный дом принцесс, он зажмурился, хватаясь за сердце. В бок ему стукнул кулак Анники.

– Не бойся. Пошутила я.

Однако что-то подсказывало дракону, что этот разговор просто отложен.

Вернувшись к столу, молодожены увидели огромный торт, рядом с которым уже крутились староста и пастор. У обоих было по разделочному ножу.

– Режем! Режем! – во всю горланили дети. Анника шепнула, что резать придется, взявшись вместе за рукоять ножа. Дракон кивнул и несколькими быстрыми движениями располовинил весь торт. Анника вся перемазалась, и детворе пришлось обедать с нее розочки из крема.

Тихонько наигрывали музыканты, задавая тон танцам. Пары кружились, сменялись партнеры. А у дракона начали слипаться глаза. Горевшие факелы, обильная еда и тепло делали свое дело. Он посмотрел по сторонам. Люди веселились от души. Через несколько мест от стола молодоженов сидел пастор. Главная цель его жизни сбылась, и он усиленно налегал на торт. Но торт, кажется, выигрывал.

Наконец Анника объявила, что молодые отправляются спать, а гости могут продолжить веселье. Со всех сторон полетели здравицы, шутки и пожелания. Большинства дракон не понял, об остальном смутно догадывался. До дома их провожала маленькая армия молодых женщин. Дракон не понимал, почему все они тащатся за ними. Пока Анника, не глядя, бросила через плечо свой букет. Позади случилась куча-мала. Счастливица выбралась из-под груды тел в порванном платье, растрепанная и расцарапанная. Но довольная. Подумаешь, что букет к тому времени напоминал сено.

Наконец все тревожнения остались позади. Точнее – за закрытыми дверями. Подхватив Аннику на руки, дракон вошел в спальню. И... обомлел. На супружеском ложе расположилась довольная жизнью свинья. Хавронья благодушно похрюкивала, не понимая, что сейчас в ее жизни может случиться неприятный поворот. Из ноздрей дракона повалил дым. И быть бы хрюшке хорошенько пропеченной, если бы не Анника. Она прижалась к мужу и прошептала: «Традиции...» Дракон закатил глаза и вышвырнул свинью в окно.

Визг, ругань и смех закончили этот день.

Медовый месяц

Так прекрасно, когда вас будит щебетание беззаботных птиц, а не тяжелые удары в дверь. Не совсем поняв спросонья, где находится, дракон рухнул с кровати, запутавшись в одеяле. Выбраться сразу не представлялось возможным, и он, словно откормленная личинка, пополз к дверям. Кот, также спросонок решив, что с ним играют, коршуном спикировал на ползущего. Дракон придушенно пискнул, чем только раззадорил охотничьи инстинкты мохнатого бронтозавра. Зубы кота прокомпостировали ухо новобрачного, что позволило дракону открыть новые горизонты владения человеческим языком. К двери он подполз, волоча на себе наглого охотника, потому что выбраться из-под кошачьего тела дракон не смог.

Анника, тоже проснувшись, с умилением наблюдала за развернувшимся соревнованием. Выяснить, кто же победит, желания у нее не возникло, однако инстинкт хозяйки и хранительницы очага взял верх. Быстро одевшись, хозяйка подскочила к двери, обогнав дракона на последнем отрезке пути. Кот выразил свое отношение к неспортивному поведению хозяйки противным мявом, от которого у дракона задергался левый глаз. Распахнув дверь, Анника уперлась взглядом в стоящих перед ней людей. Это были вчерашние свадебные гости – подсолнушцы. Музыканты лениво перебирали струны, как бы намекая, что пора освежить репертуар. И не только. Молодых ждали к столу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.